

ШТРИХИ К ПОРТРЕТУ

Откровение

МНОГО ЛЕТ дружу я со скульптором Михаилом Петровичем Олениным и часто бываю в его маленькой мастерской на Хорошевском шоссе. Я люблю этого обаятельного и скромного человека, люблю царящую здесь обстановку тишины и сосредоточенности, люблю рассматривать его скульптуры — портреты ученых, врачей, артистов, исполненные в мраморе и бронзе.

Однажды я засиделся у него дольше обычного. Мы пили кофе и говорили об искусстве, об оперном театре, о певцах.

— Одно время, — рассказывал Михаил Петрович, — я чуть ли не ежедневно бывал в доме Собиновых. Это был дом широкий, гостеприимный, хлебосольный — настоящий русский дом. А сам Леонид Витальевич, которого я считаю своим вторым отцом, отличался редким радушием и доброжелательностью.

Как-то за обедом он сказал:

— Я прожил блестящую и счастливую жизнь. Признание и слава пришли ко мне с первых шагов сценической карьеры. Жизнь сложилась так, что я никогда ни к кому не испытывал зависти: я имел все, о чем только может мечтать артист. Но если бы мне нужно было кому-нибудь позавидовать, то я позавидовал бы только одному Федору...

— Какому Федору?

— Как «какому Федору»? — удивился Леонид Витальевич. — Шалаяпину!..

— Почему?

— Бог не дал мне такого таланта, какой был у Шалаяпина...

В «Фаусте»

с Шалаяпиным

У МЕНЯ — гость: бывший солист частной оперы Зимина, баритон Сергей Иванович Разуваев. Со стариковской словоохотливостью он рассказывает о «блиском далеком», и я чувствую, как волнуется мой собеседник, вспоминая свою сценическую карьеру, в которой, по его словам, «были шипы и розы, тернии и лавры». Вот он бережно вынимает из потертого кожного портфеля пожелтевшую программу: его фамилия напечатана рядом с Шалаяпиным.

— Когда это было? — спрашиваю. — Неужели и с Шалаяпиным пели?

— Пел.

— Не расскажете ли?

— Извольте... Расскажу, как на духу, истинную правду... Этот спектакль — особенный в моей жизни, и рассказ о нем требует, так сказать, последовательности изложения... Поэтому слушайте и не перебивайте... Было это в 1920 году,

в апреле. Сиджу дома, отдыхаю, вдруг — телефонный звонок. Сообщают из дирекции, что завтра идет «Фауст» с участием Шалаяпина и я пою Валентина... Петь с Шалаяпиным — честь для любого артиста. Но меня это известие скорее испугало, чем обрадовало. Я был молод тогда, в опере пел всего четыре года, к тому же по рассказам товарищей хорошо знал нрав Шалаяпина, его требовательность к себе, к партнерам. Но делать было нечего. Одеваюсь, еду к нему на Новинский, рекомендую, и минут через пять появляется сам Федор Иванович. Я прошу его прорепетировать со мной мизансцены, а он говорит:

— Я устал и репетировать не буду... А зачем, собственно, репетировать?.. Следи за мной и мне не мешай!..

С тем я и уехал.

В театр я пришел за два часа до начала, оделся, загримировался, попробовал голос — звучит! Сиджу в своей уборной, томлюсь ожиданием — самое тяжелое для певца ждать своего выхода!.. А голову сверлит мысль: как я буду петь с Шалаяпиным и без репетиции?!

Начался спектакль.

Куплеты о золотом тельце Шалаяпин спел блистательно, публика потребовала повторения, и Федор Иванович спел «на бис». Первую сцену с Мефистофелем я провел, как видно, хорошо, и Шалаяпин, покровительственно хлопнув меня по плечу, похвалил. Загибание цветов он тоже бисировал. Вообще весь вечер Федор Иванович был предметом восторгов публики, которая в то время любила оперу, понимала в ней толк и всегда справедливо выносила приговор.

В третьем акте после знаменитой серенады «Выходи, о друг мой нежный...» публика устроила Шалаяпину овацию и снова настойчиво потребовала повторения. И Федор Иванович бисировал! Второй раз он спел лучше, и это послужило поводом к овации еще более восторженной. За вторым «бисом» последовал третий...

Я стоял в кулисе, готовый к выходу, и не мог решить: выходить или не выходить?

И вдруг Шалаяпин, приблизившись ко мне, прошепел:

— Чего стоишь?.. Выходи, вступай!.. Нешто я двуличный?!

— Как вступать, Федор Иванович? — пролепетал я. — Меня и слушать-то никто не станет. Да и оркестра не слышно, в тон не попаду!..

— Выходи, вступай!.. Там разберемся!..

Я вышел и запел. Но в шуме все еще аплодировавшего зала не слышал оркестра и вступил не в тон. Шалаяпин через несколько тактов выручил меня, и вскоре мы действительно «разобрались».

Окончился акт, стихи аплодировавшие, и Федор Иванович сказал:

— Уж больно ты робок, Сергей!.. В искусстве нахалом быть нельзя, но нельзя быть и трусом! Надо быть находчивым и смелым!..

— А сами-то вы как волнуетесь! — сказал я. — А почему? Ведь вы так великолепно владеете голосом, телом, жестом, мимикой?!

— Отвечу тебе просто: если я спою хорошо, это значит — «плохо», если я спою отлично, — это «так себе»...

— А как же вы должны петь?

— Как Шалаяпин!.. Понимаешь?!

На оркестровой репетиции

В 1915 ГОДУ в киевском театре Соловцова готовилась к постановке опера Массне «Дон Кихот».

На роль Дон Кихота пригласили Шалаяпина.

Задолго до спектакля билеты были проданы, и меломаны с нетерпением ждали этого вечера.

Увертюра «Дон Кихота» начинается большим виолончельным соло.

Когда на оркестровой репетиции виолончелист сыграл соло, к чаше подошел Шалаяпин.

— Вы очень плохо играете, — резко заметил он музыканту. — Ни души, ни сердца... Ремесло!..

В оркестре стало напряженно тихо.

— Играть его надо так, — продолжал Шалаяпин и присел на край рампы.

И вдруг он запел.

...Моисей Михайлович Бугачевский, бывший в то время в группе первых скрипок, преврал рассказ, на мгновение задумался и сказал:

— Если бы вы только слышали, как спел Шалаяпин это соло!.. Казалось, пело само сердце... Более полувек я слышу этот голос и не могу его забыть...

Виолончелист повторил соло и вопросительно взглянул на Шалаяпина.

— Ну, теперь вроде ничего, — буркнул тот.

И оркестровая продолжалась.

Ложка

РАУЛЬ Гюнсбург — директор оперного театра в Монте-Карло — пригласил группу молодых русских певцов с Шалаяпиным во главе на сезон 1912 года.

Спектакли давались в маленьком театре, изумительном по архитектуре и внутреннему убранству, — он находился в том же здании, где и знаменитая «рулетка».

...Шел «Борис Годунов». Партию царя Бориса пел Ша-

Литератор Александр Лесс известен читателям как автор книг «Непрочитанные страницы» и «Вторая стихия». В первой собраны рассказы о писателях, в следующей — о людях искусства: певцах, дирижерах, художниках, инструменталистах.

Сейчас писатель работает над книгой «Рассказы о Шалаяпине». В нее войдут новеллы, повествующие о малоизвестных страницах жизни великого русского певца. Сегодня мы публикуем несколько новелл из этой книги.

ляпин, партию царицы Ксении — Фанни Деранкова.

Успех был полный, невиданный даже для Монте-Карло. Когда Шалаяпин вышел из театра, артисты, столпившиеся у выхода, засыпали артиста цветами.

Однажды вечером русские певцы — товарищи Шалаяпина — зашли к нему в гости: Федор Иванович вместе с другом своим и секретарем Исаяем Дворищиным занимал небольшой особняк.

На столе, рядом с серебряным прибором Шалаяпина, лежала простая деревянная ложка.

— Что это за ложка, Федор Иванович? — удивилась Деранкова. — Зачем она тут?

Шалаяпин взглянул на актрису и вдруг помрачнел.

— Это особое дело, — сказал он серьезно. — Когда я работал подмастерьем у сапожника, хозяин колотил меня этой ложкой по лбу... До синяков, до кровоподтеков бил, скотина!.. Говорил: «Учу ум-разуму...». Вот она и до сих пор со мной... Вожу ее по белу свету...

Но теперь эта ложка была оправлена серебром.

В порту

НА РАССВЕТЕ океанский лайнер входил в бухту Барселоны.

Берег был уже совсем близко, и пассажиры высыпали на палубу, чтобы полюбоваться панорамой города, которая с каждой минутой разворачивалась перед их взором во всей своей ослепительной красоте. Среди пассажиров выделялась громадная фигура Шалаяпина — он направлялся в Барселону, где через несколько дней в театре Личео начинались его гастроли.

Несмотря на ранний час, весь пирс — от края до края — был запружен людьми.

Вдруг Шалаяпин услышал, как кто-то громко и отчетливо крикнул по-русски:

— Привет Шалаяпину!

Федор Иванович поклонился неизвестному голосу и, сняв шляпу, приветственно помахал ею в воздухе. Но в ту же секунду в разных концах пирса уже десятки голосов скандировали:

— Шалаяпин!.. Шалаяпин!.. Шалаяпин!..

Стоявший рядом с ним импресарио, не отрывая глаз от нарядной, пестрой, восторженно аплодировавшей толпы, воскликнул:

— Смотрите, Федор Иванович, как вас встречают барселонцы!..

Шалаяпин молчал, точно не слышал этих слов.

Импресарио взглянул на Шалаяпина — его лицо вдруг болезненно изменилось.

— Что с вами, Федор Иванович? — спросил, испугавшись, импресарио.

— Гляди, — с горечью проговорил Шалаяпин, — ведь так меня могли встречать и на родине! А я ухожу от родины своей все дальше... все дальше...

По его щекам текли слезы.